

Наталья Советная

Наталья Советная – прозаик, поэт, публицист. Автор 18 книг поэзии, прозы, публицистики, статей о литературе, изданных в России, Беларуси, Сербии, в том числе «В поиске сокровища», «Тепло свечи», «Святой благоверный князь Александр Невский», «За краем света», «Тайна русского Царя», «Два поклона», «Цветок на морозе», «Увидеть ветер», «Пучок травы», «На земном подсвечнике», «Венчики золотые», «Одна судьба», «Угадавай любящим сердцем», «Затаённое слово», «В краю светозарной земли», «Кремень», «Зеркало», «На земле заревои» (на сербском).

Победитель и лауреат республиканских, всероссийских и международных литературных конкурсов, в том числе «Словенское поле» (2015), им. А. К. Толстого (2016), «Золотой Витязь» (обладатель Серебряного Витязя в номинации «Публицистика» (2019)), им. И. Шамякина (2023) и др. Имеет награды: медали «Василий Шукшин» (2014), «Святой благоверный Князь Александр Невский» (2008), «Поэт и воин Игорь Григорьев (1923–1996)» (2015), «За вялікі ўклад ў літаратуру» (2016), «Максим Богданович» (2020), орден Фонда мира «За веру и верность» (Москва, 2016) и др.

КОЛЫБЕЛЬНЫЙ МОТИВ

Записки о Янтарном крае

Единению народов России и Беларуси посвящается

Внешние события вокруг Калининграда в последнее время беспокойные: блокада товарных перевозок по железной дороге через Литву и Латвию, скопление вооружения и войск НАТО у границ, враждебное отношение Финляндии, присоединившейся к экономической агрессии Запада против России и стремящейся войти в воинственный блок НАТО.

Все эти факты, как неопровержимые, использовались моими знакомыми, чтобы убедить меня отменить поездку в Янтарный край. Мол, не самое удобное время для экскурсий.

Но доводы совершить путешествие оказались гораздо весомее. Во-первых, это была давняя мечта: побывать в местах, где я родилась (посёлок Янтарный), где прошли молодые годы отца и мамы и моё раннее детство (Балтийск, Гвардейск, Гусев...). Конечно, помню я из того времени мало, больше то, что запечатлено на фотоснимках, хранящихся в родительском альбоме, иначе и быть не может: слишком мала была. Но, непостижимо для разума, родовая память звала, душа мистически тянулась к Балтийскому морю, хотелось зачерпнуть в ладони берегового песка, ощутить касание морских волн, побродить по улочкам Калининграда.

Во-вторых, меня пригласила в гости добрая знакомая – писательница, краевед, журналист, главный редактор литературного журнала Союза писателей России «Берега», кандидат философских наук Лидия Владимировна Довыденко: «Составим план и побываем везде, куда ты захочешь поехать!» Разве можно не ответить согласием?

В-третьих, я обещала поклониться Калининграду от имени писателя, руководителя секции документально-художественной прозы Санкт-Петербургского отделения Союза писателей России Валерия Евгеньевича Ширского, капитана второго ранга в отставке. Оказалось, что и его жизнь была связана с Калининградом. Не нынешним, а послевоенным, тогда ещё Кёнигсбергом.

– Не поленились, – уговаривал меня Валерий Евгеньевич, – отыщите в Интернете старый художественный фильм «Секретная миссия» киностудии «Мосфильм», режиссёр – Михаил Ромм. У вас будет возможность сравнить город прежний, ведь съёмки велись на его развалинах, и настоящий.

Не поленилась, отыскала. И была потрясена: события киноленты 1950 года и нынешних дней оказались настолько тождественны, что в пору было удивиться. Ничего не изменилось в отношениях между Западом и Россией. В фильме даже прозвучала фраза, уже набившая оскомину: «Во всём виновата Россия!» Да и другие были словно списаны из последних новостей: «Мне страшно подумать о Китае, об Индии, о Бирме! Россия должна была исчезнуть! Россия должна быть сметена с лица земли! Мы должны начать новую войну!» И ещё много подобных им.

В ответ на моё удивление по поводу «Секретной миссии» Ширский разразился эмоциональной тирадой:

– Что касается отношения к России – так было, так есть и так будет всегда. Американско-европейским негодям ненавистна наша страна. Она большая, богатая, мудрая, с миролюбивым народом. А враги наши извечные – Польша, Ливония. Посмотрите, как они стараются нагадить нам сейчас. И такой же наш враг Англия – «англичанка гадит»... Ивану Грозному после смерти польского короля предлагали стать королём Польши. Зачем? Да просто: взять и присоединить к себе Россию. Сейчас диву даёшься, что стало с Украиной, Болгарией, любимой нами Грузией, которых Россия много раз от гибели спасала... Куда подевалась их память? Сегодня у всех придурков совсем крыша съехала. Как может руководить страной сбежавший из дурдома Борис? Посмотрите на сморчка – «ливерную колбасу», у которого дед был генералом СС! А дедушка американский, забывающий, как его зовут? И ведь что любопытно, все они отошли от Бога! Что было заповедано в Библии? «Плодитесь и размножайтесь!» Вот теперь у них мужики друг с другом и пытаются сотворить чудо... А взять пресс-секретаря Белого дома? Это убожество: безграмотную... да ещё с испорченной ориентацией – посадили на видное место! Как же – чёрная и извращенка! Как можно всех их считать нормальными людьми? На Украину зачастили (руководители европейских стран. – *Н. С.*) – посмотреть на разбитые их же ракетами дома и трупы расстрелянных ВСУшниками мирных жителей. Мол, это Россия убивает! Так заехали бы в Донецк и посмотрели... И как это назвать – негодяи, или придурки, или большие подонки? Всё понимают и видят, но гадают...

Самолёт «Аэрофлота» по маршруту Санкт-Петербург – Калининград плавно взлетел и стал быстро набирать высоту. Мне повезло: место у иллюминатора. Прильнула к стеклу. От эмоционального предвкушения будущих встреч и прекрасного настроения первые минуты путешествия показались восхитительными.словно в радостных сновидениях, в которых летаешь: разбегаешься и вдруг отрываешься от земли, и уже паришь высоко, и под ногами нет ничего, а земля с домами, улицами далеко внизу, будто густо рассыпанный бисер.

Самолёт вонзился в облако легко, словно в масло, и оказался внутри белой-белой пушистости. Ничего не видно, только крыло. Но молочные дымки, пёрышки, клубочки двигались, плыли, гонимые воздушными потоками, и навстречу нам вдруг открылось голубое оконце. На мгновение ярко вспыхнуло, ослепило солнышко и снова исчезло, погрузилось в непроницаемую белую пену. А мы поднимались всё выше и выше, туда, где солнцу не спрятаться, потому что тучи и облака остались внизу. И казалось мне, что летим не в Янтарный край, а к Северному полюсу. И под нами раскинулся Ледовитый океан с холодной синева солёных вод, покрытых огромными заснеженными льдинами и дрейфующими айсбергами. Что же это за синева такая? Может, мы над Балтийским морем, просвечивающимся сквозь облака? Или во чреве небесном?

Наш авиалайнер накренился, качнул крылом, устремился ещё выше. Показалось, даже солнце светит уже где-то внизу. А в иллюминаторе – безоблачная, ровная, прозрачно-чистая пустынная синева. «Седьмое небо!» – решила я.

Мы приближались к Калининграду, расстояние между землёй и самолётом стало медленно сокращаться, и снова под крылом – мой воображаемый Северный Ледовитый со снежными барханами, льдинами, айсбергами облаков.

На моих «островах» в иллюминаторе флагов не видно. Да и сами облака уже плывут совсем рядом, и самолёт вот-вот нырнёт в их зефирный туман. Стекло окошка буквально на глазах покрылось тонким ледяным узором. Чудеса! словно из июля на мгновение мы очутились в зимнем морозном дне. Но только на несколько минут – даже не успела заметить, как ледок растаял. Самолёт погружался в серый, пасмурный калининградский вечер.

Международный аэропорт Храброво по результатам конкурса «Великие имена России» с 2019 года носит имя императрицы Елизаветы Петровны. Я тоже принимала участие в том народном голосовании, когда выбирались имена для сорока семи аэропортов России. В течение двух месяцев можно было отдать голос на сайте, в социальных сетях, по телефону или заполнив анкету у волонтеров. В проекте приняли участие почти шесть миллионов человек. В Калининграде выбор был сделан в пользу Елизаветы Петровны. Ещё в 1758 году жители Кёнигсберга присягнули на верность русской императрице.

Высокая стройная блондинка, призывно махавшая рукой, выделялась из толпы встречающих необыкновенно приветливой, светлой улыбкой. Я сразу узнала Лиду. И вот мы уже мчимся по калининградской земле, въезжаем в долгожданный город.

Взгляд беспорядочно выхватывает то своеобразного прибалтийского стиля здания с остроконечными черепичными крышами, то увитые зеленью металлические решётчатые ограды, то могучие столетние деревья, то тонкие молодые краснолистные клёны, то узкую улочку, мелькнувшую за поворотом, то серебряный блеск озера... Калининград!

Снова вспомнились письма Валерия Евгеньевича. Теперь они приобрели более глубокое значение, ведь звучали как завещание: к великому сожалению, как раз накануне моего отъезда Ширский покинул этот мир.

«Приветствую тебя, город-мечта, и поклон тебе, поклон!» – произнесла я мысленно, но меня тут же отвлекла Лида:

– Завтра утром едем в Янтарный. А после обеда встречаемся с читателями в библиотеке имени космонавта Леонова, – и улыбнулась: – Возражений нет?

Какие могут быть возражения, если сбываются мечты!

Проснулась рано, ещё не было и семи часов: сказались привычка и разница во времени на один час. Распахнула окно, заглянула на балкончик, обрамлённый цветущими геранями, петуниями, календулой. Под ногами – гладкие морские камушки, заменяющие массажёр. По углам, в отдельных горшочках, прекрасно себя чувствовали карликовые томаты с ещё зелеными плодами, размером с черешню, и петрушка. Отщипнула листочек – приятный пряный вкус и аромат лета.

А на улице дождило. Серые тучи, сквозь которые пробивалось утреннее солнышко, особенно и не сопротивлялись ему, уступая место, теснились к западу. Было ни холодно ни жарко, дышалось легко, а душа ликовала в предчувствии новых впечатлений и радостных встреч.

Где-то громко и скрипуче прокричала птица. Я наклонилась над перилами, пытаясь разглядеть пернатую незнакомку, но её и след простыл. Зато внизу мне открылся чудесный дворик с детскими площадками, шатрами от дождя и даже мангалом для шашлыков. Красота!

Янтарный

До Янтарного, первое упоминание о котором (с названием Пальмникен) датируется 1654 годом, пятьдесят километров.

Мелькающие за окном пейзажи показались мне... знакомыми! Как это можно объяснить? Неужели детская память все эти десятилетия хранила нежно-голубые цикории, вековые липы, сплетающиеся кронами над узкой извилистой дорогой, разноцветье лугов, пасущиеся на них немногочисленные стада, будто сказочные – домики-фахверки...

Но главным всё же было море. Мы спешили к нему, словно можно было опоздать. То тут то там вдоль тропинки торчали розетки широких, остроконечных листьев голубой травы, жёсткой, с опасно-острыми краями, как у болотной осоки. Местами дюны покрывала песколюбка, её колоски на высоких стеблях качались и склонялись к самой земле под порывами ветра. Наши ноги утопали в песке, зернистом, белом. Совсем не такой устилает озёрные берега моей родной белорусской Гордодкщины, там песочек мягкий, жёлтенький. Детвора обожает лепить из него куличики и строить крепости и дворцы.

Но и балтийский песок, и эти сизые травы казались мне знакомыми!

Словно вспышкой в памяти – чёрно-белое фото из родительского альбома: на морском берегу полуторагодовалая девочка в панамке чертит прутиком на песке, а ветер пригибает к земле травы с колосками на высоких стеблях...

Взволнованное море бурно катило зелёные волны с белыми барашками к нашим ногам. Кроме Довыденки и меня, на берегу – никого. Погода не пляжная. Ветер неумолимо гнал по небу облака, собирая их в тяжёлые дождевые тучи. А волны накатывали всё ближе, так и норовили коснуться кроссовок, словно котят, обнюхивающие незнакомую обувь. Они громко вздыхали и, пятясь назад, шумно удивлялись: как же можно было отправиться к морю без купальника?

Я не выдержала и, разувшись, шагнула в воду. Море ласково поцеловало мои ноги, весело заплескалось в руках, брызнуло в лицо, а налетевший ветер с готовностью растрепал мне волосы, в которых засверкали дрожащие солёные капли... Наша встреча состоялась!

На следующий день, который, словно по заказу, был солнечным и жарким (разогрелся до двадцати семи тепла), мы снова отправились к морю. На этот раз на зеленоградское побережье. Курортный городок – в белых и синих красках, вперемешку с зеленью и яркими цветами, с рисунками игривых котиков и котят на стенах домов, заборах, шторках и пакетах, дышал вечным праздником. Желающих отдохнуть у моря – хоть отбавляй! Но это не помешало нам с Лидией Владимировной и её любознательной внучкой купаться вволю и отыскать свободное местечко на пляже, чтобы поваляться на белом песке, наслаждаясь свободой, покоем, солнцем и общением. Потом, любуясь с террасы прибрежного кафе на качающиеся в волнах парусники и далёкие корабли, мы ещё продегустировали «Голубую масалу» и зеленоградскую пиццу...

Однако всё это было на следующий день. В Янтарном же нам ещё предстояло посетить музей комбината, где добывают солнечный камень, замечательный парк имени Морица Беккера и рукотворное озеро, образовавшееся на месте старого янтарного карьера.

Сначала подъехали к озеру. По узкой асфальтированной дорожке спустились к воде. Она была сверкающе чистая, пронизанная солнцем и такая прозрачная, что видна каждая донная песчинка. На берегу, заросшем камышом, подсушивали свои полукруглые бока лодки, а деревянный павильон хранил подводное снаряжение дайверов. Именно здесь, у этого романтического озера, снимались некоторые эпизоды известного телесериала «Морские дьяволы» о доблестных российских спецслужбах.

Миновать знаменитый парк, основанный 21 мая 1881 года, было бы непозволительно. Не только потому, что это излюбленное место гостей и жителей Янтарного, но ещё из-за того, что среди аллей и тропинок, пролегающих между вековыми липами, уникальным тюльпанным деревом, яворами, дубами, краснолиственными буками, каштанами, лиственницами, диковинными видовыми елями и соснами, серебристыми тополями, ясенями и трёхсотлетними вязами, есть и одна заветная – литературная!

Все аллеи парка выходят к морю. Тропинка же, вдоль которой установлены стенды с профилями известных поэтов и отрывками их стихов, тянется параллельно берегу, к северу от центральной аллеи. Пока бредёшь по ней, узнаёшь, что янтарь упоминали в своих произведениях многие знаменитые поэты, среди которых Александр Пушкин и Михаил Лермонтов, Афанасий Фет и Анна Ахматова, Мариэтта Шагинян и Иван Бунин и даже неизвестный автор древнерусских былин. Всего двадцать три стенда. Но мне кажется (нет, я уверена!), что это лишь маленькая капля в том огромном море поэзии, где таится янтарь, пусть и не в тяжеловесных самородках, как у классиков, а всего лишь в солнечном бисере. Даже мои скромные стихи не прошли мимо этих волшебных-медовых камешков. Впрочем, почему «даже», всё-таки я родилась – в Янтарном!

Застывшим солнцем в капельках смолы
Волна морская, берег окропляя,
Явила связь стихий с небесным краем
Застывшим солнцем в капельках смолы!

В янтарный одуванчиковый май
Весна, цветущим светом озаряя,
Плеснула нам Божественного Рая:
Янтарный одуванчиковый май...

(«Стихи»)

Именно Янтарный – сокровищница Балтийского побережья. Самый крупный в мире комбинат по добыче солнечного камня расположен здесь. Гостеприимная Лида с готовностью согласилась стать

моим гидом, так как, являясь автором нескольких книг о Калининграде и области, знала всё о предприятии, которому как раз в июле исполнилось семьдесят пять лет.

Впечатлил меня автоматизированный макет комбината, образованного в 1947 году на месте бывшего немецкого рудника (первые шахты были заложены ещё в семидесятых годах девятнадцатого века). Как на ладони – комплекс надшахтных сооружений, различных сопутствующих служб, фабрика, железная дорога и, конечно, огромный карьер, где янтарь добывается с глубины до пятидесяти метров, а его запасы оцениваются в пятьдесят шесть тысяч тонн.

Не менее впечатляюще воздействовали на воображение представленные в музее ювелирные украшения и художественные изделия. Приятно обрадовало, что можно не только прикоснуться, но даже присесть на трон, украшенный янтарём. И теперь у меня в альбоме смешное памятное фото: восседаю на янтарном троне, у янтарного столика, словно сказочная владычица морская, потому что на заднем фоне плещется синее море и ярко горит летнее солнце.

Удивили и понравились украшения из не обычного янтаря, а зелёного. Хотя меня предупредили, что такой цвет появляется в результате специальной обработки и, скорее всего, камень уже не обладает той целительной энергией, которой наделены его солнечные братья, но браслет из него я всё-таки приобрела, и не жалею.

По-настоящему шокировала экспозиция самородков весом от килограмма и больше. Даже догадывалась (пусть простят меня знатоки), что такие существуют! Оказывается, в год их здесь добывают до двух десятков. В 2017 году был найден «Губернаторский» – камень весом 3060 граммов. В мае двадцать второго коллекцию янтарных гигантов пополнил «Чудотворец» (1089 граммов), обнаруженный в день памяти святого Николая Мир Ликийских Чудотворца. К этому времени он стал уже четвёртым самородком года. А самый большой российский великан хранится в Калининградском областном музее янтаря. Его вес – 4280 граммов.

Наша экскурсия подошла к концу. Предстояло ещё сделать несколько снимков на фоне храма Казанской Иконы Божьей Матери, уникального здания бывшей лютеранской кирхи, построенной в готическом стиле из валунов и фигурного кирпича в далёком 1892 году.

Потом сфотографировались возле необычной водонапорной башни, высотой тридцать пять метров, с флюгером в виде мифического единорога, охраняющего клады. И у вековых лип, которые помнят так много, что нам и представить сложно.

И снова – в путь! В Калининград. К читателям библиотеки имени космонавта Леонова.

Библиотека

Было заметно, что Лида переживала: как бы из-за летнего сезона отпусков не сорвалась намеченная презентация журнала «Берега». Соберутся ли в библиотеке калининградцы, к которым мы так спешили из Янтарного? Однако просторный зал храма книги на радость нам наполнился благодарными поклонниками литературы и гостями – авторами журнала.

Из Москвы прибыл заслуженный деятель искусств Ювеналий Александрович Калантаров, театральный режиссёр, в прошлом двадцать лет проработавший в драматическом театре Калининграда, где до сего дня помнят поставленные им спектакли: «Святая святых» И. Друцэ, «Жаворонок» Ж. Ануя, «Дон Карлос» Ф. Шиллера, «Ретро» А. Галина, «Акселераты» С. Ласкина. Постановки отличались неординарностью, дискуссионной остротой. Этими же свойствами отмечены и книги Калантарова. Он – автор статей и эссе о культуре, театре, политике под названием «Выбранные места из переписки с Президентом». Его выступление было артистично, завораживающе, при этом Ювеналий Александрович не уставал восхищаться редким талантом Довыденко Лидии Владимировны, которая, являясь главным редактором журнала, обладает редким даром любить каждого автора, искренне восхищаться его профессионализмом и радоваться успехам.

Известный журналист и писатель, победитель журналистского конкурса на право полёта советского журналиста в космос Валерий Громак, лауреат премии Валентина Пикуля и премии Союза журналистов России «За профессиональное мастерство», представил в «Берегах» статью «Украина: НАТО и культ палачей. Из блокнота украинского “иноземца”».

Тема оказалась горячей. Записки о поездке в прифронтной Мариуполь и в Донецк звучали непредвзято. Это был реалистический, беспристрастный взгляд человека думающего, неравнодушного,

сердцем откликающегося на волнующие события, связанные с военными действиями на Донбассе. И не мудрено, ведь сам он родился на Украине, служил срочную в Беларуси (тогда ещё Белоруссии) в ракетных войсках стратегического назначения, затем отдал тридцать восемь лет жизни Вооружённым силам СССР и России. В отставку ушёл в звании капитана первого ранга.

Не менее увлекательным оказался рассказ Сергея Рослина, ветерана флота рыбной промышленности, члена областного клуба краеведов, сотрудника музея форта № 11 «Дёнхофф». Уж кому-кому, а ему-то отлично известна история и культура Янтарного края. Тем более, многим событиям он сам был свидетелем, потому что Балтийский район Калининграда стал ему родным ещё в пятидесятых годах прошлого века. Старые снимки того времени, которые продемонстрировал Рослин, пробудили массу ассоциаций. И снова вспомнились письма Валерия Евгеньевича Ширского:

«...Бородинская улица упиралась в улицу Дмитрия Донского, далее была поляна наша любимая, кончалась она обрывом, под которым раскинулись яблоневые сады и за ними железная дорога, ведущая в Балтийск, как я позже выяснил. В этих садах стояли крупнокалиберные зенитки, на которых мы и катались. Каруселей-то и аттракционов не было. Вот и зенитки пригодились. Наверное, эту поляну сейчас застроили. На ней ещё было бомбоубежище, которое мы проходили с факелами. Для такого похода требовалось немного мужества, было жутковато...»

Историк, генеалог, автор ряда книг, представитель древнего дворянского рода, служившего России, Григорий Некрашевич рассказал о своих предках. Он автор исследования «Потомок старинного шляхетского рода. Служа царю и Отечеству. Иосиф Григорьевич Некрашевич-Поклад». Оказалось, что жизнь его предков была тесно связана с белорусскими Браславщиной Витебской области и Мстиславлем Могилёвской.

Ещё одна гостя – сотрудник областного архива. Не писатель. Так что же привело её на презентацию? Наталья Ивановна Дроздова поведала о капитане первого ранга, командире подводной лодки Викторе Ширяеве, тоже авторе журнала. Своей публикации он увидеть не успел. Поэтому его представителем стала родственница. По её словам, капитан Ширяев был гордостью семьи. Такой высокой культурой, какой он был одарён, не каждый обладает. А его преданность флоту – пример для любого офицера.

«Какой же талантливый наш народ! – думалось мне. – Без счёта у нас одарённых людей и в литературе, и на флоте, и на производстве, и в поле... А красивых душой? Ещё больше! Каждый – неизведанный океан. Только бы всмотреться внимательней и научиться любить друг друга, просто – ценить и беречь каждого, уважать, как вселенную – возлюбить человека. И ведь всякий, встретившийся в жизни, вовсе не случайный попутчик. Зачем-то, для чего-то. А выбор всегда за нами...»

Много лет назад петербургский писатель Юрий Серб (Георгий Александрович Лебедев) поделился со мной известием о новом калининградском журнале «Берега». Заинтересовалась, предложила редактору отрывок из повести и поэтическую подборку. А потом мы с Лидией Владимировной оказались на одном мероприятии в Минске, в музее Якуба Коласа, где она презентовала журнал. Затем вместе ожидали на вокзале: каждая свой поезд. Пили кофе, беседовали – знакомились. И вот я уже в Калининграде, в гостях у четы Довыденко и у читателей библиотеки космонавта Леонова – первого в мире человека, совершившего выход в открытый космос. Такой же таинственный и волнующий, как первая любовь, как рождение малыша, как первая книга... Разве всё это случайность?

Книги, которые захватила в поездку: свои, авторские («За краем света», «Одна судьба», «В краю светозарной земли»), и петербургский литературно-исторический сборник «Береста Онфима» (составители Ирина Катченкова и Татьяна Никольская), а также один из многочисленных словарей Анатолия Бесперстых, известного лексикографа из Беларуси, – я с радостью подарила библиотеке. Из рук в руки передала заведующей Ларисе Владимировне Пшеницной.

Гости искренне благодарили хозяйку мероприятия, восхищались журналом, предвкушая уже новые, юбилейные «Берега». Из номера в номер на их страницах появляются новые рубрики, заменяя собой устаревшие или потерявшие актуальность. География авторов журнала не устаёт удивлять, потому что здесь находят приют писатели из Сибири и Беларуси, Мурманской области и Москвы, городов Орла и Воронежа... Встречаются имена знакомые и очень уважаемые, происходят открытия новых интересных авторов. Журнал, родившийся в 2014 году, уже удостоился многих наград, в том числе был отмечен Международным литературным форумом «Золотой Витязь».

И всё это благодаря редактору, неутомимой, талантливой Лидии Довыденко, моей белорусской землячке. Ведь, хотя я родилась в Янтарном, школу всё же оканчивала в городе Городке Витебской области, откуда родом моя мама Зоя Егоровна. И Лида появилась на свет в Беларуси, в Могилёвской области, училась в Минске, а живёт большую часть своей жизни в Калининграде. Такие вот переплетающиеся пути-дорожки!

Калининград

Третий день моего пребывания в Янтарном краю был посвящён Калининграду. Прежде чем отправиться на прогулку по городу, снова заглянула в переписку с Ширским:

«Я жил в Кёнигсберге в ранние ученические годы и два года учился в школе № 1. Игры наши были экстремальные. Запросто могли найти кусок “мыла” – тола. Знали, что он горит и не взрывается. Но если оглянуться по сторонам, то можно было отыскать и взрыватель, который надо ввинтить в этот кусок. Однако этого тоже мало. Если ещё раз осмотреться, то тут же легко обнаруживался и бикфордов шнур. Его надо было подсоединить к взрывателю, зайти в разбитый дом, поджечь и делать ноги. Секунд через 15–20 раздавался приличный “бабах”. И это в наши 12–13 мальчишечьих лет очень развлекало. А жил я на Бородинской улице, почти на углу с улицей Дмитрия Донского. Любили побродить по немецкому кладбищу, оно было дальше, за углом. Позже из части кладбища, выходящего на улицу Победы, сделали парк культуры... Когда я служил в Балтийске, то часто бывал в Калининграде. Однажды познакомился с девушкой, и она привела меня на нашу Бородинскую, к моему дому, но сама жила в соседнем, который в мою пору ещё был разрушен. Забавно...»

Тяжело вздохнув, ещё раз пожалела, что не успел Валерий Евгеньевич побывать в современном Калининграде. Видимо, сочувствуя моим переживаниям, взгрустнула и погода за окном. Было пасмурно, даже немного дождило. Не дождавшись такси, мы с Лидой, прихватив зонтик, отправились в центр города на маршрутке.

– Познакомлю тебя с нашими зубрами! – хитро улыбнулась она. – У нас тоже водятся, не только в белорусской Беловежской пуше.

– Заинтриговала! В зоопарк, что ли, едем? – попыталась угадать я.

Но огромные зубры, сцепившись рогами, упираясь мощными лбами, мерились силой прямо напротив Калининградского государственного технического университета. Вылитые из бронзы в натуральный рост немецким мастером Августом Гаулем, они взобрались на постамент ещё в 1912 году. В советскую бытность в народе их быстро переименовали в быков. Так и стали назначать свидания: «Приходи в сквер “У быков”!»

– Ещё их дразнили: «Прокурор и защитник», – просвещала меня Лида, – потому что раньше в здании университета располагались административный и земельный суды.

– Не приведи боже встретиться в лесу с таким зверем, как его ни назови! – заметила я, пристраиваясь к зубрам, чтобы сфотографироваться.

Невдалеке заметила пышно цветущие деревья в обрамлении клумб с яркими цветами. Решив пошутить, оглянулась на скульптурных быков:

– Они по ночам цветы с клумб не объедают? И что это за деревья, я похожие только на Святой земле видела, но в Калининграде?!

Лида рассмеялась:

– Какие зубры, такие и деревья! Они искусственные! А кроны составлены из десятков цветочных горшочков с пылающе-алой звёздчатой геранью.

Выглядели они, конечно, потрясающе! Мой фотоальбом пополнился новыми снимками.

Мы неспешно продолжили прогулку и остановились возле памятника Петру Первому у здания штаба Балтийского флота. Вполне логично, ведь царь Пётр был основателем российского флота. И всё вокруг тоже было основательно: пьедестал из красного гранита, сама трёхметровая бронзовая скульптура, здание штаба с красной черепичной крышей и с шестью ионическими колоннами и гордо развивающийся флаг Российской Федерации.

Мелко моросил дождик, но было по-летнему тепло, поэтому, не обращая на него внимания, мы направились дальше – к областному драматическому театру, которому исполнилось 75 лет со дня основания. На афишах значились премьеры 2022 года, среди них «Нюрнберг», о процессе, на кото-

ром слушались дела нацистских судей, «Прощание с Матёрой» по повести Валентина Распутина, «Материнское поле» по произведению Чингиза Айтматова... Серьёзный репертуар. Но в дни моего калининградского путешествия в здании театра, постройки 1912 года (разрушенного в годы войны и потом полностью восстановленного), проводился ремонт.

Полюбовалась внешним фасадом с шестью коринфскими колоннами и, перейдя на другую сторону дороги, очутилась возле памятника Фридриху Шиллеру. Бронзовая фигура поэта отлита в полный рост по проекту скульптора С. Кауэра в 1910 году.

Ширский упоминал ещё и о памятнике Бисмарку, который должен был бы находиться где-то рядом: «Недалеко от площади Победы, тогда она называлась Трёх маршалов, стоял разбитый замок королей. И рядом памятник Бисмарку. К сожалению, замок полностью убрали. А напрасно. В нём бывал, по преданию, Александр Суворов, юношей, со своим отцом... Вокзал был разбит, и поезда приходили на какую-то станцию на окраине. Ехать надо было через весь город, полностью разбитый, разрушенный. На мостовой валялись каски, обгорелые винтовки и автоматы. Картинка, которую сейчас и представить трудно...»

Действительно, куда ни ступишь в этом замечательном городе – обязательно рядом будет знаменательное место. Калининград богат на памятники. На сайте администрации их насчитывается полтысячи. В список входят не только монументы, скульптуры, обелиски, но и жилые дома, водонапорные башни, мельницы, исторические здания и даже фрагменты восточной валунной стены, связанной с оборонительным рвом. За один день осмотреть их все невозможно, думаю, недели и даже месяца не хватит.

Но ещё один – памятник Франциску (Георгию) Скорине работы белорусского скульптора Анатолия Артимоновича, установленный на улице Александра Невского, во дворе университета, упомянуть обязана. Скульптура первопечатника, переводчика, исследователя, который был родом из Полоцка (его работы продолжают изучаться до сего времени, в том числе в Калининграде), была подарена университету имени Канта Республикой Беларусь.

Дождик зарядил чаще. Спрятавшись под зонтиком, мы с Лидой добежали до торгового центра «Кlover» и нашли прибежище в уютном кафе на втором этаже, с которого открывался вид на обширную площадь Победы с Триумфальной колонной, напомнившей мне Александровскую в Санкт-Петербурге. Только вместо Ангела калининградскую колонну венчал трёхметровый орден Победы. Отлит он в Минске на Скульптурном комбинате Белорусского союза художников по проекту Виктора Ковача, известного белорусского скульптора. Вот так на калининградской земле, ставшей моей колыбелью, слились вместе Беларусь и Петербург, которые в моей судьбе тоже неразделимы.

И пока шёл дождь и остывал обжигающий кофе, мне вспомнились давно написанные строки:

Меж Русью Великой и Малой,
В краю светозарной земли,
Рекой ледниковую, талой
Рождались истоки мои.

В них тайна наследного кода
И связь испоконных времён.
В родне – кровь славянских народов,
А может, и дальних племён.

Листочки семейного древа
По свету развеяла жизнь.
Балтийского моря напевы
В мотив колыбельный вплелись.

Полярного Севера норы
Закалкой крутой одарил –
Идти – так идти до упора!
И верить, и жаждать зари!

Невы и Фонтанки теченье
И храмов волнующий зов...
Стал город Петра – вдохновеньем!
Он друг, и наставник, и кров.

...Меж Русью Великой и Малой
Истоков моих окоём.
Над Белою Русью – взлетала,
В России – окрепла крылом!

(«Истоки»)

– Ну, если на поэзию потянуло, то пора нам и в собор заглянуть, тем более, он совсем рядом, – предложила Лида. – Вот там-то душу и отведём!

Я согласилась с радостью. Огромный, белый, с золотыми шлемовидными куполами и звонницей на тринадцать колоколов, возведённый во владими́ро-суздальском стиле храм Христа Спасителя находился на месте, где 30 апреля 1995 года митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом

(ныне Патриархом Русской православной церкви) был освящён закладной камень и установлен семи-метровый деревянный крест. Через год в основание будущего символа Православия калининградского края заложили капсулу с землёй от московского храма Христа Спасителя.

Когда мы подошли ближе, то пришлось задирать голову, чтобы рассмотреть кресты на шести куполах (шестой увенчал алтарную апсиду, как символ библейского шестоднева). Общая высота здания – шестьдесят девять метров. В Верхний храм Рождества Христова мы предпочли подняться на лифте.

Служба уже закончилась, поэтому было немногочленно, хотя помещение позволяет вместить три тысячи человек. Подали в свечной лавке записочки о здравии близких и об упокоении ушедших родных, поставили свечи, поклонились Господу, Пресвятой Богородице и святым, а потом, присев на скамью, долго и умиротворённо, под тихое непрерывное песнопение созерцали изумительную роспись, её воздушность, устремлённость в небеса, дивились красоте убранства, молились каждый о своём и об общем: о мире во святой Руси. И снова в памяти вспыхнули строчки, теперь уже стихотворения «Молитва»:

Быть частицею света удостой меня, Боже!
Научи так любить, чтоб себя забывать,
И мирить там, где кто-то примириться не может,
И помочь там, где правду хотят отыскать.

Удостой меня, Боже, чтобы я утешала,
И прощать боль обид Ты меня научи,
Напой состраданьем, дай любовь мне и жалость,
Укрепи, чтоб помочь заплутавшим в ночи.

Где царит безысходность, дай посеять надежду,
Где согнула беда, дай подставить плечо,
На озябшую душу дай набросить одежду
Покаянных молитв, что шепчу горячо.

В темноте брэнной жизни дай лампадку затеплить,
Быть сияньем свечи дай во мраке сплошном,
В час, когда я угасну на земном белом свете,
Свет иной обрести дай мне в Царстве Твоём...

Нижний храм в честь Нерукотворного образа Христа находился в цокольном этаже и был закрыт. Но, видимо, таков промысл Божий, что стоило Лиде обратиться с просьбой к одному из клириков, как двери этого храма распахнулись перед нами.

– Здесь надо побывать обязательно! – объясняла моя добрая путеводительница. – Во-первых, это храм воинской славы, храм-памятник русским воинам, погибшим в Семилетнюю войну, Наполеоновскую, Первую и Вторую мировые войны. Во-вторых, здесь установлен «Мемельский» иконостас, созданный во время Семилетней войны для русского гарнизона в Мемеле (Клайпеда). Его можно назвать путешественником, потому что прежде, чем быть переданным храму в 1996 году Свято-Князь-Владимирским братством из Германии, он совершил круиз вокруг Балтийского моря. Интереснейшая история!

И вот я стою перед этим старинным иконостасом, изготовленным по указу императрицы Елизаветы Петровны и установленным в церкви Преображения Господня в Мемеле в 1760 году, 20 июля. И ведь это означает, что в нынешние дни моего пребывания в Калининграде исполнилось с того знаменательного события уже 262 года!

Недолго иконостас пребывал в Преображенском храме. В то давнее время в результате исторических перипетий Мемель был возвращён Восточной Пруссии, а оборудование храма в 1762 году вывезено морем назад в Россию, в Санкт-Петербург, и хранилось в Петропавловском соборе, пока его не передали посольской церкви в Стокгольме. Потом с 1902 по 1996 год иконостас находился в Свято-Никольском храме Гамбурга.

Необычный, в стиле барокко, Мемельско-Елизаветинский иконостас был великолепен! Нигде я не встречала подобного. Эмоции переполняли, душа благодарила Бога. И казалось, что сил на новые переживания от впечатлений уже не осталось.

Однако стоило выйти из храма, как моё внимание привлёк ещё один – святых Петра и Февронии – венчальный храм в память Муромских чудотворцев, которые являются в России покровителями семьи. Над его лёгкими белоснежными сводами – удивительный сдвоенный купол, символизирующий непостижимое соединение в Спасителе – Божественного и человеческого, а в браке – слияние двоих в единое целое.

Сейчас, когда пишу эти строки, моя душа словно снова парит в том чудесном летнем дне, который был наполнен внутренней тишиной, спокойствием, небесным светом и Божьей благодатью. И вдруг, будто специально для того, чтобы выбить меня из этого умиротворённого состояния, в теленостях прозвучала информация о дичайшей выдумке первой леди Франции. Оказывается, некоторое время

назад Брижит Макрон якобы внесла предложение в проект реконструкции восстанавливаемого (после пожара в девятнадцатом году) собора Парижской Богоматери. По её мнению, шпиль Нотр-Дама должен обрести фаллические очертания: поднятый фаллос с золотыми яйцами в основании.

Но, слава богу, у бывшего министра культуры Розелин Башло хватило ума и смелости отвергнуть проект с таким дизайном шпиля. Администрация президента Франции была этим расстроена.

Только кто его знает, что ещё может случиться в наше непредсказуемое время... До открытия собора в 2024 году больше года, а сатанизм на Западе, как и маразм, крепчает с каждым днём.

Помнится, в школьные годы меня переполняло чувство гордости от того, что родилась в такой огромной, могучей, прекрасной стране, какой была моя большая Родина – Советский Союз. «Какое же счастье, что я появилась на свет в Янтарном, на русском берегу Балтийского моря, а не где-нибудь в Африке или Америке!» – искренне радовалась тогда и радуюсь теперь.

А мысленно снова возвращаюсь в славное двадцать шестое июля двадцать второго года, на калининградскую площадь Победы, где мне светло улыбалась Лида Довыденко:

– У нас впереди ещё полдня! Ты готова продолжить путешествие?

– Всегда готова! – по-пионерски отрапортовала я, потому что желание смотреть, запоминать, улавливать нерв, впитывать исторический дух, энергию калининградской земли не иссякало во мне.

– Тогда – на остановку! Трамвайчик номер пять доставит нас в Рыбную деревню.

Я-то думала, мы едем за город или на окраину, но, оказалось, – в торгово-ремесленный центр, этнографический квартал на берегу реки Преголи. Раньше жители города отправлялись сюда, чтобы купить свежую рыбу, потому что здесь было скопление рыбных рынков. Теперь же в Рыбной деревне можно полюбоваться зданиями, построенными в неоготическом и ганзейском стилях, с элементами барокко и классицизма; воспользоваться широко предлагаемыми развлекательными и познавательными услугами: музеев, художественной галереи, бильярдной и тренажёрного зала, сувенирных и ювелирных магазинчиков, ресторанов и кафе.

Но мне была обещана прогулка на кораблике, поэтому сразу направились к причалу. Катер был во всеоружии: покачивался на воде в ожидании пассажиров, которых приготовился защищать от дождя и ветра прозрачным тентом и тёплыми пледами. Ими мы с удовольствием воспользовались. Аудиоэкскурсовод весело и без усталости знакомил с открывавшимися взору живописными пейзажами Октябрьского острова и острова Канта, рассказывал о «Рыбной бирже», башнях Бесселя и «Маяк». Последняя – высотой более тридцати метров. Если подняться по её ста тридцати трём винтовым ступенькам, то можно увидеть город с впечатляющей высоты.

Я восторженно глазела по сторонам, сноровисто фотографировала. Меня впечатлили не только великолепные здания, но и огромные корабли, мощные портовые краны, подводная лодка, вид Музея Мирового океана, храм у кромки воды, многочисленные мосты. И в который уже раз вспомнились письма Ширского: «Обратите внимание на набережную Преголи. Снимался фильм “Секретная миссия” как раз здесь, на правом берегу, если я правильно помню, куда течёт река. В дома заложили дымовые шашки, чтобы имитировать только что разрушенный дом. Все дома там представляли только коробки. И мне удивительно, что все они восстановлены в прежнем виде. Где-то там и мост есть. Мы по его балкам переползали реку. А на мосту было написано: “Мост разминирован...” Далее шло звание и фамилия, кто это сделал».

Трудно теперь сказать, о каком мосте шла речь в письме Валерия Евгеньевича. Взамен двух самых старых из семи мостов Кёнигсберга – «Лавочного» и «Зелёного» – в 1972 году над островом Канта был построен «Эстакадный».

«Деревянный» мост появился более шестисот лет назад, в 1404 году. И хотя он многократно ремонтировался и перестраивался, продолжает служить людям. По его натруженной старой спине до сих пор движутся шустрые автомобили и степенные трамваи.

Разводной мост под названием «Высокий», с мостовым домиком в стиле неоготики, также служит и для пешеходов, и для транспорта.

Самый молодой из семи исторических мостов (год рождения – 1542-й) – пешеходный «Медовый».

Современный – разводной пешеходный мост «Юбилейный» был открыт в 2005 году к 750-летию Калининграда. Для его возведения использовались опоры разрушенного «Императорского» моста.

Но мне почему-то кажется, что речь в письме Ширского шла о «Двухъярусном» мосте, постройки 1926 года. Нижний его ярус был предназначен для автомобильного движения, верхний – для желез-

подорожного. В 1945 году «Двухъярусный» взорвали отступающие немецкие части, а через четыре года он был полностью восстановлен. Чтобы пропускать суда, для средней части моста был сооружён и подъёмный механизм (вместо бывшего поворотного).

Наша речная прогулка незаметно закончилась. Да и день подошёл к концу. Впечатлений от него хватало с лихвой. Однако утром следующего нас ждали новые...

Балтийск

Погода была словно на заказ: без дождя и с комфортной температурой. Машина мчалась мимо убранных полей с белыми катушками соломы, мимо лугов с травяным разноцветьем, так знакомым мне с детства. Вызревшие коричневые метёлочки трав, белые и жёлтые – донника, ярко-розовые – кипрея, а рядом – звёздочки голубоглазого цикория, солнечные мордашки любопытных ромашек в белых косыночках...

Говорящие названия посёлков и деревень – Взморье, Приморск, Приморье... – подсказывали, что и Балтийск уже где-то совсем близко.

– Мы проезжаем мимо нашей дачи. Заедем? – предложили Володя и Лида.

– Конечно! – с готовностью согласилась я. – Почему бы не познакомиться и с дачным посёлком?

Участок Довыденков, полученный ими недавно, хотя и представлял собой почти дикую песчаную поляну, поросшую выносливым бессмертником, серебристой полынью, лекарственным тысячелистником и изнывающей от жажды мелкой травкой, однако на насыпных грядках, почти без присмотра наливались силушкой тяжёлые помидоры, а на огуречных плетях подрастали хрустящие зеленцы, которые вместе с сочными листьями салата и ароматным укропом тут же перекочевали в хозяйский пакет.

Дождевой воды, набежавшей с крыши временного домика-вагончика, как раз хватило для полива грядок и саженцев роз. Так мы совместили полезное с приятным и, чтобы продолжить путь, двинулись к машине вдоль густого кустарника и могучих дубов, за которыми прятался морской берег.

Такие же дубы, а ещё развесистые липы, ясени и вязы, растущие вдоль шоссе, сплетались над ним кронами и образовывали плотный шатёр. Пробивающиеся сквозь листву солнечные лучи падали на асфальт тёплыми бликами. Похожие светотени стелились и в подножье деревьев лиственного леса, сквозь который бежала дорога к Балтийску. Видимо, от этого лес мне казался волшебносказочным, таинственно-загадочным, гофмановским. Не мудрено, ведь и сам писатель Эрнст Гофман родился в Кёнигсберге, его творческая натура формировалась в здешних местах, может быть, и от этого созданные им литературные образы удивительны: одновременно фантастичны и реальны, как причудливые очертания старых корявых стволов и ветвей.

Вот и промелькнул за окном указатель на Балтийск! Нам осталось преодолеть семнадцать километров пути. Вся жизнь и всего семнадцать километров отделяли меня от города моего раннего детства, от молодости моих родителей...

Огромные бетонные буквы, словно азбучные кубики, аккуратно разложенные неведомым великаном слева от дороги, составили такое дорогое для меня и долгожданное слово «Балтийск». Произнесённое вслух, оно прозвучало могуче и звонко, а душа моя радостно заиграла.

Володя остановил машину. Предлагая выйти, указал направо, в сторону двухэтажного здания с заколоченными окнами:

– Здесь служил твой отец. Это бывшее КПП «Застава».

Застава! Вспышка памяти высветила весенние цветущие деревья, отца в офицерской форме, а рядом, на ступеньках крыльца, мама – в лёгком цветастом платье с короткими рукавчиками-фонариками...

Я подошла к белому зданию с красной черепичной крышей. Осторожно прикоснулась к стенам, словно они всё ещё хранили тепло моего отца, Виктора Евсеевича Булаева, тогда ещё старшего лейтенанта. Дёрнула за дверную ручку. Закрыто.

С сентября 1945 года в город военных моряков можно было попасть только с пропуском, оформленным в комендатуре после объяснения цели поездки. Иностранцам въезд был запрещён категорически. С разрушением Советского Союза ситуация изменилась. В 1995 году через контрольно-пропускной пункт уже могли свободно пройти все, у кого имелась калининградская прописка. В 2009 году с заставы исчезли полосатые будки охраны, знаки «Стоп», здание опустело. Сохранилась

лишь табличка с предупреждением: «Территория с регламентированным пребыванием иностранных граждан (далее тот же текст на английском)». Удивительно, что иностранцам вообще разрешён въезд в город, где расположена военно-морская база.

Мы сели в машину и двинулись дальше. И никому до нас не было никакого дела...

Балтийск – самый западный город России, раскинувшийся на пятьдесят квадратных километров. Часть его находится на берегу Приморской бухты на Земландском полуострове. От Балтийского моря отделяет Гданьский залив, от Балтийской косы – узкий пролив, который образовался во время шторма в сентябре 1510 года. Сама же Балтийская коса, отделяющая Калининградский залив от Балтийского моря, имеет российский участок протяжённостью двадцать пять километров с почти такой же площадью.

В первую очередь мы направились к старинной крепости Пиллау, представлявшей собой пятиконечную звезду, каждый угол которой является бастионом со своим именем: Альбрехт, Пруссия, Кёниг (Король), Кёнигин (Королева) и Кронпринц (Наследный принц). Строительство цитадели началось четыреста лет назад по приказу короля Швеции Густава II Адольфа.

– А в 1697 году крепость посетил будущий император России Пётр I. Считается, что именно здесь он обучался бомбардирскому и артиллерийскому мастерству и фортификационному искусству. Сейчас из старинных сооружений сохранились лишь три здания и складские помещения, – просвещала меня Лида, автор книг «Тайны Пиллау» и «Балтийск. Портрет города в датах и лицах». – Экскурсия внутрь крепости возможна, но только в определённое время, так как там расположена действующая военная часть, в которой ведётся подготовка военных специалистов для работы под водой.

Я слушала, стоя на мостике перед краснокирпичными воротами цитадели, разглядывала крепостные валы, из которых торчали стволы старинных пушек, любовалась тёмными водами речки, её берегами, поросшими камышом, и снова ловила себя на мысли, что всё это мне знакомо. Причём картинки в памяти были достаточно свежими и яркими. Неужели детские воспоминания? «Да ведь здесь тоже снимались эпизоды фильма “Морские дьяволы”! Наверняка!» – догадалась и усмехнулась: а ларчик просто открывался!

Но всё же я уверена, что не только совпадение с кадрами фильма взволновало меня тогда. Помню! Да, помню эти места, потому что была там, хотя очень-очень давно...

А Лида продолжала рассказывать:

– Во время Второй мировой, весной 1945 года, за пиллаускую цитадель шли кровопролитные бои. 26 апреля бойцы 1-й Пролетарской Московско-Минской дивизии генерал-майора П. Ф. Толстикова штурмом овладели крепостью. Советским воинам, погибшим при освобождении нынешнего Балтийска, в небольшом городе Балтийске установлены многочисленные памятники и мемориалы. Один из них – «Они сражались за Родину» – был открыт на стене юго-восточного рavelина цитадели «Пиллау» в 2018 году. Он увековечил память более чем четырёх тысяч военнослужащих Краснознамённого Балтийского флота.

Второй мемориал, с Вечным огнём, создан на братской могиле воинов, павших в апреле 1945 года – более 460 человек, среди них два Героя Советского Союза: капитан Тарасевич К. М. и старшина Дадаев С. П.

Третий монумент в честь ратного подвига солдат, в виде огромного гранитного валуна и якоря с массивной цепью, установлен на набережной.

Ещё три памятника я увидела на площади Балтийской славы: стела в честь воинов-моряков водной охраны, металлический обелиск в память о десантниках Балтики и настоящий катер «Комсомолец» (1944 года, бортовой номер «36»), установленный на высоком белом постаменте в честь балтийцев-моряков Первой Краснознамённой бригады торпедных катеров. По бокам катера – артиллерийские орудия эскадронных миноносцев «Стойкий» и «Славный».

Мы пришли на площадь, когда там шла подготовка к грандиозному празднику – Дню Военно-морского флота, который совпадает в Балтийске с Днём города. На бетонной площадке выстраивалась на выставку военная техника и вооружение. Я впервые воочию, совсем рядом, так, что можно было потрогать и сфотографироваться, увидела огромные Искандеры, РСЗО «Ураган», «Град», «Солнцепёк», ЗРК С-400 «Триумф», машины связи и управления огнём, БТРы...

Отрабатывая чеканный шаг, по площади маршировали матросы и морские пехотинцы – глаз не отвести!

А Лида смахнула накатившиеся слёзы:

– Такие же молодые красавцы-бойцы сейчас в специальной военной операции на Донбассе...

– Помогите им, Господи! – поддержала я. – Но то, что происходит на Донбассе, надо бы уже назвать не СВО, а Отечественной войной – войной за русские земли, за русский мир.

Через короткое время стало известно, что по всей Украине начали арестовывать, мучить, убивать православных священников. В храмах сатанисты открыто служили свои чёрные мессы и антилитургии. В захваченной раскольниками Киевской лавре зазвучали дьявольские песни: «Сотрём Москву с земли лица», «В бой на москаля», «Москаля сотрём на прах», «Убьём зельем москвина», «Пьём вражескую кровь, как воду», «Слава Богу, слава Иисусу, слава нашим ВСУ!».

Теперь я бы уже назвала нынешнюю войну против нацистов всего ополчившегося на святую Русь Запада – Священной, потому что это война против врагов Христа, врагов веры православной – бесценного сокровища, несущего истинный свет миру. А Бог поругаем не бывает. И Покров Пресвятой Богородицы – над Россией!

Святой Фёдор Ушаков, русский адмирал, не знавший ни одного поражения в сражениях на море, когда-то предупредил: «Не отчаивайтесь! Сии грозные бури обратятся к славе России», – эти слова написаны на его иконе, хранящейся в храме Балтийска...

С небес ласково и тепло светило янтарное солнышко, лёгкий ветерок, играючи, теребил листву на деревьях, в тени которых солдаты чистили оружие, бережно разложенное на аккуратной постриженной траве. Город жил предстоящим военным праздником, на котором жители региона будут с гордостью наблюдать за прохождением отряда ракетных кораблей, за атакой подводной лодки противолодочным кораблём, за противоминным обеспечением выхода подводной лодки, за высадкой диверсионно-разведывательной группы на необорудованное морское побережье.

В праздничном мероприятии готовились принять участие более сорока боевых кораблей, катеров и судов обеспечения, четырнадцать самолётов (истребители Су-27П и Су-30СМ2, фронтовые бомбардировщики Су-24М) и вертолётов (Ми-24 и Ми-8, корабельные противолодочные и поисково-спасательные Ка-27 и КА-27ПС).

Но до праздника, который должен был начаться 31 июля с торжественного молебна и возложения цветов к памятнику Петра Первого, оставалось ещё несколько дней. Поэтому в городе, словно в муравейнике, кипела работа, свидетелями которой мы и стали во время пребывания в Балтийске.

Вдоль набережной, как раз у дома, в котором жили Довыденки, когда Владимир Иванович служил на флоте, уже устанавливали зрительские трибуны. Памятник Петру I обновляли свежей краской. Неподальку от величественного памятника императрице Елизавете Петровне, которая в форме полковника лейб-гвардии Преображенского полка, верхом на коне, словно встречает боевые корабли и гражданские суда на российском побережье Балтийского моря, разворачивались детские аттракционы. Мне это показалось символичным: где же играть детям, как не под покровом русской государыни?

Здесь же, в сувенирной лавке, продавались изделия из янтаря. Я не удержалась – на моей руке появился изящный браслет из прессованного камня. А ещё мне нестерпимо захотелось увезти домой горсть балтийского песка, отщипнуть с низкорослого кустика шиповника несколько красных ягод, нарвать букетик нежно-жёлтых шариков-цветочков здешнего бессмертника...

Напротив гостиницы «Золотой якорь», в которой когда-то останавливался Иосиф Бродский, о чём свидетельствовала памятная табличка, безбоязненно плавали рядом с кораблями белые лебеди. Их было много, несколько десятков. Подумалось, что и в этом есть особый смысл: русские военные корабли и доверчивые лебеди вместе, потому что мир и любовь нуждаются в защите.

Близость элегантных птиц, их романтическая красота не могли оставить безучастными никого: ни жителей города, ни его гостей. Всякий норовил подкормить лебедей и, конечно, сфотографироваться рядом с ними.

Мы бродили по Балтийску, а я всё представляла, как по этим же улочкам спешила на работу моя двадцатилетняя мама Зоя в военную часть торпедных катеров, где работала в бухгалтерии, а по вечерам и выходным она пропадала в Доме офицеров, потому что театр был её мечтой. В дальнейшем, получив соответствующее образование, мама долгие годы работала в культуре.

Воображение рисовало мне её вместе с отцом – оба молодые, счастливые...

Я жадно вдыхала балтийский воздух, подставляла лицо ветру и солнцу, потому что этим воздухом дышали мои родители, такой же ветерок перебирал их волнистые русые волосы, а их глаза видели

эти же дома (разве только крыши у них теперь новые, да и сами они – как на картинке), и такие же суровые корабли, и такое же завораживающее море...

В год, когда я родилась, постановлением Совета Министров СССР в Балтийске была сформирована военно-морская база первого разряда Краснознамённого Балтийского флота. В неё вошли более девяноста боевых кораблей и судов, в том числе около пятидесяти кораблей охраны водного района (в береговой охране и служил мой отец до назначения начальником заставы), девятнадцать тральщиков и два прорывателя минных заграждений и восемнадцать единиц отдельного дивизиона аварийно-спасательной службы. Командиром ВМБ Балтийск был назначен Герой Советского Союза контр-адмирал Кострицкий Сергей Петрович.

Первого сентября в Балтийске открыли Дом пионеров и школьников, в котором работали кружки «умелые руки», радио, фотолюбителей, киномехаников и хореографии. Чуть позднее, в декабре, «в казармах строительного батальона по улице Советской открылась строительная школа», которую в 1960 году перепрофилировали в мореходное училище: готовили матросов рыбной промышленности заграничного плавания до 1987 года, в котором учебное заведение прекратило своё существование.

А тогда, в первый день моей жизни на белом свете, в Балтийске произошло знаменательное событие! Город торжественно и радостно, громким салютом боевых кораблей встречал возвратившиеся в родную гавань от берегов Англии эскадренные миноносцы «Смотрящий» и «Совершенный» и крейсер «Орджоникидзе», на котором были первые лица страны.

Впервые в истории советского ВМФ правительственная делегация высокого уровня совершила дипломатическую поездку на боевом корабле. На борту крейсера, кроме Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Сергеевича Хрущёва и председателя Совета Министров СССР Николая Александровича Булганина, находились Андрей Николаевич Туполев, известный авиаконструктор, автор проектов свыше ста типов самолётов, и Игорь Васильевич Курчатов, советский физик, академик-атомщик, «отец» советской атомной бомбы.

И вот мне снова посчастливилось побывать в Балтийске! Как же не поблагодарить за это Того, без воли которого и волос с головы не упадёт? В Морском кафедральном соборе Георгия Победоносца, разместившемся в старинной кирхе готического стиля, построенной в 1866 году, мы с Лидой снова подали записки, поставили свечи, поклонились мощам святого праведного адмирала Фёдора Ушакова. Ныне канонизированный святой начинал свою службу на Балтике, затем создал Черноморский флот России, был его первым командующим.

В Балтийске я каждой своей клеточкой чувствовала себя счастливой, и мне очень не хотелось покидать этот город...

Но Володя умело утешил меня, предложив по пути в Калининград завернуть ещё в Светлогорск. А новым впечатлениям я всегда рада.

Светлогорск

Поразительно, насколько Светлогорск был не похож на все другие города, в которых мне, благодаря моим дорогим друзьям супругам Довыденкам, удалось побывать за эти невероятные четыре дня.

Утопающий в зелени, прячущийся под кронами могучих деревьев, бывший Раушен показался мне городом гномов в тысячелетнем лесу. И даже напомнил ставропольский Пятигорск: канатная дорога, гористая местность. И море где-то далеко внизу, чтобы спуститься к нему, надо пересчитать десятки ступенек. В самом же городе впечатлило озеро «Тихое» с камышовыми берегами, домиками для уток, с бесшумно скользящими по водной поверхности лодками. На противоположном берегу, словно застывший на огромном живописном полотне, раскинулся лес: величественные сосны и фактурные лиственные деревья.

Гвардейск

Конечно, было жаль, что мы не успевали побывать в Гвардейске (Тапиау), освобождённом от нацистов 25 января 1945 года 17-м гвардейским стрелковым ордена Суворова полком 5-й гвардейской стрелковой Городокской ордена Ленина Краснознамённой ордена Суворова дивизии Красной армии,

которая получила звание «Городокская» за наступательную Городокскую операцию по освобождению от фашистских захватчиков города моей юности, родового гнезда моей мамы – Городка Витебской области.

Из раннего детства (мне было года четыре) помню, что наша семья жила в доме на берегу реки с полуразрушенным мостом. На лодке мы переправлялись на противоположную сторону, где раскинулся луг с высокими цветущими травами. Однажды я перебралась через реку по мосту и одна отправилась искать начало радуги, чтобы взобраться на неё и посмотреть на город сверху. Шла долго, а радуга не приближалась. И я испугалась. Дома же никто так и не узнал о моём путешествии.

Гусев

Ещё один город пока так и останется лишь в моих детских воспоминаниях. Однако не умолчу о том, чем он славен: на его территории проходили боевые действия Первой мировой войны. Знаменитое Гумбинненское сражение, завершившееся 20 августа 1914 года одной из первых побед Русской императорской армии, получило название от города Гумбиннена, нынешнего Гусева, который от Калининграда – в ста двенадцати километрах.

В 2020 году администрацией Гусева было принято решение присвоить круговой транспортной развязке на пересечении улиц профессора Попова и Зворыкина наименование «Площадь имени Жореса Алфёрова». Поводом послужило то, что в 2015 году великий физик, нобелевский лауреат, посетил город и предприятия «Технополиса», в сквере которого посадил дерево, а также Гусевский историко-краеведческий музей, где была открыта выставка к 70-летию Великой Победы. Гости заинтересовала ещё и экспозиция, посвящённая Первой мировой войне. Оказалось, что отец физика служил гусаром в 4-й кавалерийской бригаде и принимал участие в боях у Гумбиннена.

Но Иван Карпович Алфёров был хорошо известен и в Беларуси. Родился он в Чашниках Витебской губернии, жил в Минске, в Полоцке, где встретил будущую жену, и в Витебске, где у него появился на свет сын Жорес. В 1926 году Витебский обком партии направил Ивана Алфёрова на работу в город Городок – возглавить райисполком, а в 1929 году – лесопильный завод.

Воистину, пути Господни неисповедимы, а нити судеб сплетены в единый клубок жизни!

Я же помню в Гусеве лишь воинскую часть. Здания казарм из красного кирпича, вдоль которых располагались ниши со стеклянными крышками, а внутри – макеты оружия. Толстая кирпичная стена, за которой (слышала от взрослых) стояли танки. Дом, в котором жили семьи офицеров, тоже был красный. Мы занимали комнатку на первом этаже слева. Помню кусты барбариса с красными кислыми ягодами-костянками. Контрольно-пропускной пункт. Минувя его, через дырку в заборе я вывела детвору с нашего двора в город, и мы отправились искать тот сказочный лес, в котором жила загадочная лисичка, передававшая папе конфеты для меня. В это время в части начался настоящий переполюх: пропали дети! А мы, уставшие, так и не дойдя до леса, повернули назад, решив в следующий раз обязательно найти добрую лисичку. Возвратиться незаметно через дырку в заборе нам не удалось. А дома каждого ждали родительские разборки...

Теперь же роль лисички исполнила Лида: домой я везла не папины леденцы, а популярные в Калининграде конфеты – марципаны, имеющие многовековую историю, их рецепт передавался из поколения в поколение. Своим вкусом миндальное угощение с натуральным шоколадом когда-то пленило королей, герцогов и принцесс, нынче же его с удовольствием уплетают наши детишки.

...Ночью шёл дождь. А утром я уже была на борту самолёта рейса «Калининград – Санкт-Петербург» и смотрела в иллюминатор, как ветер колышет травы, как машут вслед и низко кланяются неприхотливые ромашки.

Когда лайнер вырулил на взлётную полосу, на стекло упали дождевые капли, а когда он стал набирать скорость и отрываться от земли, дождь вычертил на окне чёткую кардиограмму взлёта.

Далеко внизу оставался аэродром, прямоугольники и квадраты жилых построек, полей и лугов Янтарного края. Яркой синевой заплескалось Балтийское море, и вскоре над ним поплыли айсбергами пушистые облака. Вспыхнуло белое солнце, и разлилась необыкновенно чистая лазурь неба, которое было вверху, внизу – всюду и для всех!